

М. В. ЛЯПОН

ПРОЗА ЦВЕТАЕВОЙ

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ
РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА
АВТОРА



М. И. Цветаева
Портрет работы К. Б. Родзевича 1960-х годов

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

М. В. ЛЯПОН

ПРОЗА ЦВЕТАЕВОЙ

**ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ
РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА
АВТОРА**



ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2010

УДК 80/81
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Л 97

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 09-04-16102

Ляпон М. В.

Л 97 Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 528 с.: ил.

ISBN 978-5-9551-0441-6

Книга содержит концептуально целостное осмысление авторского стиля как системы доминант, коррелирующих с психологическим портретом автора. Проза Цветаевой изучается как единое вербальное пространство, — на материале автобиографических произведений, литературно-критических статей, эпистолярного наследия, а также дневников и записных книжек. Основной корпус известных текстов расширен за счет новых материалов, относящихся к творческому архиву писателя. Главные объекты исследования: 1) лингвистический эксперимент Цветаевой-писателя; ее субъективные языковые предпочтения и неприятия, отношение к языковому стандарту (лексический уровень, грамматика, сфера синтаксиса, организация высказывания); 2) стилистика и риторика афористических формул и развернутых конструкций парадоксального характера; 3) авторефлексия Цветаевой, ее оценка собственной идиоморфы. Наблюдаемый изоморфизм речевого почерка и психологического портрета послужит стимулом для построения концепции интегративной стилистики, задача которой — поиск внутренней логики, объясняющей авторский текст в едином ключе. Монография адресована специалистам в области лингвистики, филологам разного профиля, а также психологам, изучающим творческую личность и стили мышления.

Привлекая внимание к парадоксальной логике как особому режиму мышления, данная книга представляет интерес и для более широкого круга читателей: Цветаева-аналитик, улавливая метаморфозы истины и лжи, вносит вклад не только в теорию остроумия или «грамматику» юмора; ее афоризмы прочитываются б и ф о к а л ь н о, — как игра разума и в то же время как живой поучительный материал для энциклопедии общечеловеческой мудрости.

ББК 83.3

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0441-6

© М. В. Ляпон, 2010
© Языки славянских культур, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие7

Глава I

Императивы стиля и диктат языка13

1. Антинорма и идионорма: интуитивная лингвистика
стилесозидающего субъекта.13
2. Деспотизм языка и словотворчество писателя
(существительные, прилагательные, глагол,
служебные единицы языка)26
3. Мысли об орфографии55

Глава II

Единицы стратегического синтаксиса
в языке-эталоне и в авторском дискурсе61

1. Причина как предмет рефлексии. Истина в «последней
инстанции». Союз *ибо* — аналог перформатива61
2. Логика альтернативы в естественном языке.
Между дизъюнкцией и тождеством.85
3. Язык, «зигающийся на *хотя*».108

Глава III

Интроверсия как гегемония внутреннего «Я».....131

1. В поисках «языковой личности».
Доминанты, подсказанные К. Юнгом131
2. К. Г. Юнг — М. Цветаева: воображаемый диалог145
3. Проза М. Цветаевой: бифокальное чтение авторского
текста. Модель поведения (авторский самоанализ)149
4. Императивы подсознания. Логика интуиции158

Глава IV

| | |
|--|-----|
| Речевая самооценка как метатекст | 167 |
| 1. Вербализация речевого самоконтроля и самомоделирование | 167 |
| 2. «Грамматика» самооценки | 180 |

Глава V

| | |
|--|-----|
| Парадоксальная логика как режим мышления | 197 |
| 1. Формулы-миниатюры и развернутые рефлексемы. Прототипическая ситуация как материал для игры альтернативы и тождества | 197 |
| 2. Парадокс в контексте личности | 212 |
| 3. Фронтальная семантическая атака в условиях дискурса | 226 |

Глава VI

| | |
|---|-----|
| Антидогматическая мысль о метаморфозах истины и лжи .. | 235 |
| 1. Истина, уличаемая во лжи, в «энциклопедии» мудрости | 235 |
| 2. Парадокс как точка отсчета для «грамматики» юмора. Анекдоты и другие продукты остроумия (логические манипуляции парадоксалистов) | 248 |

Глава VII

| | |
|---|-----|
| Риторика смылосозидания | 275 |
| 1. Испытание правдой. Проницательность психолога. «Тонкость» симптома | 275 |
| 2. Отрицание как стратегическая единица в авторском дискурсе. Риторические эксперименты Цветаевой и Бродского ... | 292 |

Глава VIII

| | |
|--|-----|
| Проза как автопортрет. Стратегия иносказания. | 303 |
| 1. Двойники и антиподы. Художник Гончарова — иносказание концепции творчества. | 303 |
| 2. Встреча с внучкой Пушкина (Программа защиты Поэта) | 318 |
| 3. Реконструкция «личного кода». | 330 |
| 4. В поисках общего знаменателя: словесный парадокс и творчество как опровержение . . . | 342 |
| Приложение | 355 |

Посвящаю Александре
и Сергею — моим внукам

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современная гуманитарная наука соединяет усилия филолога, разгадывающего тайны авторской индивидуальности, — с поисками психолога, ответственного за «внутреннего» человека; при этом *идиостиль*, объясняя *идионорму*, претендует на роль интегратора личности в целом. В основу монографии положена идея создания «интегративной стилистики».

Широкий диапазон неузуальных грамматических явлений в прозе Цветаевой — свидетельство высокой степени антидогматизма в ее отношении к языковой норме. Объектом авторской рефлексии может оказаться не только отдельная лексическая единица, но также грамматическая категория, иерархия классов, внутрисистемное распределение ведущих языковых функций между единицами разного качества, категориальная семантика в целом. Эвристическая результативность языкового эксперимента Цветаевой определяется, в первую очередь, такими свойствами авторской личности, как лингвистическая интуиция, «темперамент мысли», острая чувствительность к догме (черта «полнезависимого», по терминологии современных психологов, интеллекта, предпочитающего нетривиальный путь осмысления реальности). Вербальную деятельность такого индивида отличают экстремизм в словотворчестве, склонность к смысловым смещениям. Словотворчество Цветаевой — опыт преодоления деспотизма языка, а также отпечаток рефлексии над феноменом «Язык», который Цветаева воспринимает и использует прежде всего как материю смысла, утверждая собственную философию глобальных языковых значений и пренебрегая условностями нормы.

Словотворческий опыт Цветаевой и грамматические аномалии, наблюдаемые в ее прозе, (1) во-первых, убеждают в том, что антипатия к стереотипу — неотъемлемый и выразительный признак системы ее языковых предпочтений, черта, характеризующая индивидуальную авторскую стратегию текстообразования; (2) во-вторых, являются информативным материалом для изучения «от-

ветной реакции» со стороны самого языка на попытку освободиться от его власти; (см. гл. I).

Анализ лингвистического эксперимента писателя подобен рассматриванию картины художника на очень близком расстоянии от холста. Содержательная сторона текста и авторская «техника» (способ вербализации) — два относительно автономных объекта, которые способны превращаться друг в друга. При этом текст не утрачивает своей целостности.

Авторский текст есть своего рода сигнал, допускающий множество потенциальных прочтений, и при расшифровке этого сигнала специально востребованной может стать информация о самом создателе текста. Текст как результат функционирования языковой системы является одновременно источником для реконструкции авторской личности, например, в таких ее ипостасях: созерцатель, теоретический человек, эстетический человек, интроверт, аналитик, демонстрирующий оригинальную манеру аргументации, разрушитель ментальных и языковых стереотипов и т. п. Информация о психологическом портрете вычитывается из авторского текста, взятого как целостное пространство. Текст в этом смысле — психологическая реальность, материал, который поступает к нам двумя потоками: (1) в виде информации о манере письма («технике»); (2) как вербализованная авторефлексия (автор, склонный к самоконтролю, обсуждает собственный идиостиль и психологическую подоплеку своих языковых предпочтений). *Субъект* и *Текст* выстраиваются (самоорганизуются) в своеобразную формулу причинно-следственных отношений: *Субъект* в этой формуле занимает позицию Причины (условия, порождающего и предопределяющего фактора, генератора смысла), т. е. позицию некоего каузирующего начала. *Текст* в этой формуле оказывается в позиции цели, следствия, результата и т. п. и вместе с тем — кода, который нужно расшифровать.

Цветаева (автор эссе о современниках, субъект авторефлексии в автобиографической прозе, письмах, записных книжках) предстает как неисчерпаемый информант, обладающий высокоразвитым чувством самоидентичности. Ее творчество — результат ментальной деятельности, которую современные психологи называют путешествием в самого себя. Именно в силу своей способности к самоидентификации Цветаева оказывается «объектом»,